

СЕРГИЙ ЧЕРНЕЦ

Абсолютное время

Сергий Чернец

Абсолютное время

«Издательские решения»

Чернец С.

Абсолютное время / С. Чернец — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-968758-6

Время отзывается эхом воспоминаний. Время уходит, и мы молчаливо стареем, дни убегают, и нам их невозможно удержать. Всё может ослабить время, но только не растущую тоску сердец.

ISBN 978-5-44-968758-6

© Чернец С.
© Издательские решения

Содержание

Время	6
Как важно время	9
Сидоров	10
Будущее наше	15
Вечность – бессмертие	17
Мысль пришла	19
«Пятое-десятое», эссе-рассуждения	20
Об «учении и учености»	21
К «пятому-десятому», продолжение. Пусть разум твой направляет дела	24
Лесные картинки весной	26
Берёзки в серёжках	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Абсолютное время

Сергий Чернец

© Сергий Чернец, 2019

ISBN 978-5-4496-8758-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Время

Время – самое драгоценное из всех средств. Самая большая трата, какую только можно сделать – это растрата времени.

Время есть врач всех неизбежных зол.
Бренное тело лишь двигает Дух,
Только душа видит и чувствует время,
Помнит о прошлом, зрит настоящее,
И по мудрости духа имея такое бремя —
Предвидит вперед будущее своё.

История – свидетель прошлого,
Свет истины, живая память,
Учитель жизни, вестник старины.
История – учительница жизни. —

Говорил Цицерон Марк Туллий, 140 лет до нашей эры.
Время уносит всё с собой.

Но, между прочим, бежит,
Бежит невозвратное время,
Пока мы, пленённые любовью к предмету.
Задерживаемся на своих потребностях.

О, если бы Юпитер возвратил минувшие все годы.
Протекают месяцы, и круг годичный замыкается.
Слепой случай меняет всё и бег времён.
Всех ожидает впереди одна и та же ночь,

Всем нам придётся в своё время
Вступить на смертную тропу.
Всё что прошло – уже есть прошлое,
Но всё что скрыто нам теперь, раскроет некогда время.

Годы бегут, и у нас одно за другим похищают:
Отнимают шутки, румянец ланит,
Пирушки, любви шаловливость...
Мы говорим, а время завистное мчится.

О, Боги! Боги! Льются, скользят года!
Какой молитвой мы отдадим приход —
Морщин, и старости грядущей
И неотступной от людей смерть.

— — — — —

Пользуйся нынешним днём, менее всего доверяя грядущему.
Лови мгновения жизни! Стремительно годы уходят.
Увы! Уходят они безвозвратно. Час увлекает за собою день.
Чего только не может умалить губительное время.

Что будет завтра бойся выведывать,
И каждый день, ниспосланный судьбою,
Считай за благо и живи тем днём.

Время исцеляет любовную тоску, боль проходит и забывается счастье моментов любви.
Время уходит, и мы молчаливо стареем, дни убегают, и нам их невозможно удержать. Всё
может ослабить время, но только не растущую тоску сердец.

Мгновения вечно сменяют друг друга.
Молодость быстро летит: лови уходящее время!

День миновавший кажется нам всегда лучше, чем нынешний день. Ни река, бегущая
с гор, ни время, падающее в пространство, остановится не могут. Нет на свете человека, кто
хоть сколько-нибудь умел бы ценить своё время, так бесполезно растрачивая его направо
и налево.

Только время нам принадлежит
Всё преходящее подвержено случайностям.

Когда ты чем-нибудь мирским встревожен или расстроен чем-нибудь, то вспомни, что
тебе придётся умереть, и тогда то, что тебе раньше казалось важным несчастьем и волновало
тебя, станет в твоих глазах ничтожной неприятностью, о которой не стоит и беспокоиться.

Время не проходит впустую и не катится без всякого воздействия на наши чувства: оно
творит в душе человеческой удивительные дела, так, что меняется сам человек и меняет он,
иногда, всю свою жизнь.

История не делает скачков – «по капле время точит камень».

Употребляй текущее время так, чтобы в старости не корить себя, за молодость, прожитую
зря, беспечно.

В ваянье мир постиг, что (это) – смерть,
Что время здесь не побеждает. —

Микеланджело (1475—64).

На крыльях времени уносится печаль,
Как страшно чувствовать,
Что оно уносит всё, чем ты обладал.

Лучше умереть, не думая о смерти, чем думать о ней, в страхе и опасении пребывая,
даже когда она не грозит.

Время укрепляет дружбу, но, как ни странно, ослабляет любовь.

Но для разных лиц и время идет различно, и непоправимым оскорблениям приносит
время исцеление.

Изнашивается и старится даже совершенное; помни, что слава твоя как новинка будет недолгой – день-другой, и восторгам придет конец. Поэтому воспользуйся первичным восхищением и в разгар успеха извлеки всё, на что можешь притязать. Пыл увлечения пройдет, страсти охладят, и удовольствие от нового сменится досадой от прискучившего. Поверь, – всё имеет свою опору – до времени, пока совсем всё не минует.

Как важно время

Человек умеющий ждать – герой-подвижник. Он должен обладать и большим мужеством, и немалым терпением. Никогда не спеши и не горячись (ни то, ни другое...):

Научись властвовать собой, тогда будешь властвовать другими. К благоприятному случаю приходится идти долгими путями времени.

Пока ты разумно медлишь, – будущие удачи подрастают в молодом поколении, тайные замыслы мужают. – С «костылем» времени уйдёшь дальше, чем с «окованной палицей Геркулеса». Сам Бог карает не дубиной, а кручиной и забвением. Мудро сказано: «Время да я – на любого врага». Сама Фортуна награждает терпение своими дарами.

Для каждой малости есть своё место и время.

Если человек хорош в чём-то одном, в чём-то он и плох. Не к лицу, когда молодая дама ведет себя чересчур серьезно, а дамы в возрасте, предаются шалостям. Как всё-таки странно, что мелочи вдруг приходят на память, а то, что миновало когда-то, с годами забывается.

Времени следует подчиняться.

Конец.

Сидоров (рассказ к книге «Судьба»).

Весной природа борется с зимой. Снег никак не хочет уходить и по ночам мороз берет реванш. Но солнце все сильнее нагревает землю днем, и даже воздух становится прозрачнее, отодвигая горизонт. Если взобраться на пригорок или на колокольню, стоящего там на взгорке Храма и посмотреть вдаль, то кажется, увидишь всю вселенную от края до края.

Когда человек выздоравливает от тяжелой болезни, ему становится веселее, и он улыбается, еще лежа в постели, целый день, только к вечеру, вновь, наступает приступ остатков заболевания, но уже не сильный, оставляющий надежду.

По-видимому, такое же состояние переживает весной и природа. – Земля еще замерзшая, но, под лучами дневного солнца, грязь со снегом хлюпают под ногами. И как все-таки, под ярким весенним солнцем вокруг, – весело, ласково и приветливо! Поют птички, тинькают синички и набухают пушистые комочки на ветках вербы. Солнечные лучи, играя и улыбаясь, купаются в лужах вместе с воробьями. Речка поднимает лед, образуя закрайки открытой воды, словно набухая, как смотрится с пригорка. Деревья у реки голые, но уже живут, дышат в набухших почках, готовые распустить листочки.

В такое время хорошо детям пускать кораблики по ручейкам в канавках. Хорошо также голубей гонять или лазить на деревья и привязывать скворечники. Да, все хорошо в это прекрасное время года, если есть надежда, какую подает природа. Нехорошо, если вы болеете смертельной болезнью и «прикованы» к кровати в четырех стенах.

Когда за окном потемнело, вдруг, загудел ветер с улицы и так непостоянно, рывками, «рыками» такими, словно лев спрятался под окном и чего-то выжидает, взывая и рыча. То наступит недолгая тишина. А то, вновь, послышится вой ветра.

– Ветер с цепи сорвался... – говорит Сидоров.

Ему в ответ слышится кашель, лежащего у противоположной стены Иван Ивановича.

– Вот завывает, ну, точно, как волк... – и Сидоров сам закашлялся.

В узкой четырехместной палате их было всего двое и они занимали места у самого окна. От окна тянуло холодом. «Рамы неплотно пригнаны или разошлись от времени» – думал Сидоров. С каждым новым порывом ветра и завыванием, холодный воздух порывался и остужал ноги несмотря на то, что они были укрыты верблюжьими одеялами в пододеяльниках, в белых, как вообще всё было белое в этой больничной палате.

«Почему больничный цвет выбран белый?» – задумался Сидоров в полубытьи. Пока он погружался в сон, под завывание ветра за окном, рассуждения посещали его седую голову. – «Вероятно потому всё белое, – потому что смерть черная в представлении людском!».

Нехорошо болеть, еще хуже умирать, а болеть и умирать одновременно, с мыслью, что ничего не останется после тебя на свете – хуже всего.

Лишь те способны ощущать жизнь, кому часто случается быть на краю смерти. А уж сколько раз Сидоров был на волосок от гибели: и тонул в реке зимою подо льдом, и лихорадкой-то болел и метался, и бредил при температуре 41 градус. И во сне, в последние дни, нахлынули воспоминания этих всех событий жизни.

Он увидел, вновь, зимнюю прорубь, майну, куда спускали сети, оснащенные грузами и поплавками, и как он поскользнулся и упал в воду. Сначала холод объял всё его тело...

И действительно, сонное тело его вздрогнуло и поёжилось. Его прохватил озноб, и пот выступил у него на лбу. Его затрясло в судороге.

А Сидоров видел множество пузырьков, и его несло течением, но ему не было холодно, а наоборот, его бросило в жар. Ему стало нестерпимо жарко, хотя он плыл, во сне, подо льдом, влекомый сильным течением большой Сибирской реки.

В действительности, Сидоров задвигал головой из стороны в сторону и бредил. Он творил молитву Иисусову: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного!». Так он молился и тогда, когда провалился в прорубь.

(Как он выплыл из-под льда, было чудо Божиего спасения: потому что невозможно было представить в реальности. Рыбачили на двух берегах. Первую сеть ставили на одном берегу, пробив две майны поперек течения. Вторую сеть ниже по течению реки, метров на 500 и на противоположном берегу довольно широкой реки. Как он, Сидоров, преодолел сильное течение и переплыл реку подо льдом – неизвестно, но он вынырнул из майны на другом берегу. Его вытащили и в морозный день, до минус 20-ти градусов, он сразу обледенел. А пока его везли с реки до больницы, километров 7 или 8, он замерз и получил сильное воспаление легких. Везли его в санях, на лошади. И был Сидоров не великой силы человеком: небольшого роста, 1 метр 60 сантиметров, худой, сухощавый со впалыми щеками, но жилистый).

В приступе жара и в бреду Сидоров разметал одеяло, уронив часть его на пол. Иван Иванович спешно вызвал медсестру – он почуял неладное с соседом своим. Сосед бредил, крутил головой. Соседу было плохо. Медсестра вскоре прибежала в палату реанимации и не одна, а с дежурным лечащим врачом. Сидорову сделали инъекцию. Капельницы у обоих больных стояли в изголовье около кроватей.

И, вдруг, Иван Ивановичу сделалось плохо, он попросил врача посмотреть и его. Ночи для Ивана Ивановича тоже плохо проходили, в похожих мучениях: то жара и бреда, а то и нестерпимой боли в сердце. Сон никак не давался, не приходил. И ему вспоминался рассказ соседа о своей жизни. «Вот ведь Судьба какая была (!), и умирает он одинокий и забытый всеми...» – думал Иван Иванович.

Сидоров появился на свет поздним ребенком, его матери было уже далеко за 40, почти 50 лет. До него умерло двое детей. Умерли от голода и болезней. Сидорову повезло тем, что знаменитые годы «застоя», при Брежнев, уже были стабильные. Не было больших сдвигов в обществе. Реально обеспечивались все люди в СССР работой и зарплатой. Более того, за тунеядство в тюрьму сажали, безработицы не было и в помине. И медицина была на уровне, бесплатная. Сидоров Петр, в честь отца названный, а значит Петрович, родился недоношенный, (7-ми с половиной месячный). Но выжил и все болезни перенес детские, какие возможны: и корью он болел и ветрянкой, и даже свинка у него была. А в школе он еще заболел хроническим гайморитом. Но вырос все-таки здоровым.

Ходил он во время учебы в школе, во Дворец пионеров, во всевозможные кружки и секции. И в футболистах он был, и в хоккей играл за школьную сборную команду. И в бокс пробовал ходить, но не выдержал и полгода таких нагрузок на тренировках. Его исключали из спортивных секций, за его частые болезни. Так он, в конце концов, перепробовав всяческие кружки: и художником быть хотел, и музыкантом, – остановился на кружке литературном. Тут были встречи с писателями, тут читали стихи и рассказы. Сидоров, в свои школьные годы прочел уйму литературы, почти всю классику, которая была рекомендована в школьной программе и в старших классах. Поэтому учился он хорошо и окончил школу с двумя только четверками. По всем предметам было 5.

И вот бы поступить ему в институт, и найти себе место в жизни. Но случилось обратное – «может быть это рок или судьба сыграла злую шутку», как он сам говорил. Но Сидоров никуда не поступил и профессию никакую не имел. Он совсем ушел от мирской жизни, попал в монастырь и строил и восстанавливал разрушенные Храмы. Все было просто и всему виной случай.

(Разговор).

Сиплый кашель разбудил Иван Ивановича, и в утренних сумерках он различил своего соседа по койке, Сидорова. Тот приподнялся на локтях, пододвинулся, оперся спиной на спинку кровати. Так, полусидя, ему было легче, в лежачем положении он задыхался. Казалось, кризис миновал, и тишина раннего утра аж звенела в ушах. Тихими голосами, полупшепотом, изредка прерываясь на кашель, – они разговаривали.

Как писатель – Сидоров умел рассказывать. И будто спешил, прерывал рассказ об одном, переходя на другое, торопился рассказать свою прожитую жизнь последнему человеку.

Недолго они были вместе, а как много узнали друг о друге. Иван Иванович был благодарным слушателем, сам говорил мало, кашлял и тянулся к утке, куда отхаркивал слизь с кровью, идущую их легких. Больше всего он спрашивал у Сидорова непонятные ему вещи. Так спросил про монашество: «Как же угораздило попасть в монастырь? И кто такие монахи?»

Сидоров рассказал примерно следующее, как смог запомнить Иван Иванович:

«Попал то я просто – начал Сидоров – убежал от тюрьмы. Дело было заведено, сразу после школы я в ПТУ поступил, на слесаря инструментальщика, от завода у нас есть такое. А там мальчишки привлекли меня в свои грабительские походы. Тогда я свидетелем по делу прошел. Но уже мне стало некомфортно находиться среди той «братвы», которая меня узнала. Знания и подвели меня, между прочим, знал я сигнализацию, мог её отключить: прочитал книгу «Установка телеметрических систем». Вот за этим я и был нужен «братве», а еще учился в ПТУ – слесарь и замки, и сейфы ремонтировать мог, ну, и вскрывать конечно. Вот от чего убежал: от преступного мира. А ушел в монастырь и был направлен в Духовное училище, работал трудником, потом в штат монастыря зачислен был, в начальный сан посвящен – в рясофор, в рясофорные монахи. Это не так сложно понять: кто такие монахи. Это люди, отрeksiшиеся от мира ради достижения высших христианских добродетелей! Монах – не трус, но герой и храбрый борец. Он непрестанно сражается против зла в себе самом, а замет против зла в мире, – но не против мира, так как мир – это творение Божие. Монахи, ради развития в себе добродетелей, разрывает связь с материальным миром и начинает жить странной («чудной», иной) жизнью. Вот и называют их иноки. Сначала человек проходит испытательный срок, и только когда сам человек, по свободному волеизъявлению, согласно словам Христа: «Если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за мной» – от Матфея 16 гл., 24 стих.

И еще много рассказывал Сидоров про свои дела в образе монашества. Как он строил Храм в селе и помогал добрым советом людям. Слушать было интересно, Иван Иванович, словно книгу читал, слушал, о другой жизни, неведомой ему, но рядом происходящей. Он пообещался Сидорову сходить в Церковь и свечку поставить – непременно.

«Много и много мне приходилось «проповедовать» в своей жизни» – рассказывал Сидоров веселым тоном и улыбчивым лицом. «Люди, приходящие в Храм, или стесняются или боятся подходить к священникам. Да и некогда попу всегда, он постоянно занят. И даже, если ответит поп на вопрос прихожан – скажет непонятно, или цитату из священного писания или словами церковнослужебными. Так что прихожане и просто верующие всегда рады были поговорить с человеком «церковным», тем более с монахом бывшим, который еще и в семинарии учился. И с многими вопросами ко мне обращались: как же нужно поступить в том или ином случае в соответствии с Писанием, или как же Библия говорит о том или о другом.... И часто случается, с помощью Божией, Духом Святым или совпадением обстоятельств, – дела, о которых я говорил людям чудесным образом решались в пользу и к добру.

Вот приведу пример: служил я пономарем в селе Кузнецово. Священник приезжал из города только по выходным, Храм еще только восстанавливался, и места для жилья священнику тоже еще не было. А мы с диаконом и со старостой церковным, мирским, жили

около Храма. Мы еще крышу перекрывать собирались, и печь отопления перекладывать надо было.... Работы нам хватало. А в дом рядом с Храмом приходили вдовушки-старушки: варили нам обед, да уборку в храме делали и т. д. Они всегда меня спрашивали то об одном, то о другом, наши беседы были благоприятные, всё о Божественном рассуждали. Так молва по селу пошла – будто монах тот, бывший, пономарь теперь который, очень толково объясняет. И спросили они, (по моему совету), у батюшки разрешения для меня, чтобы к больным бабушкам приходил домой. Вот я и ходил, – и в один дом, и в другой, с бабушками беседовал, с благословения настоятеля отца Сергия. Большая помощь от бесед: и душевное успокоение в старческом возрасте... Старался я переводить слова Писания на современный язык, попроще объяснял понятным языком. Бабушкам было приятно, что они поняли, наконец, долго не понимаемое церковнославянское понятие религиозное.

А вдруг ночью, прибежали к нам в церковный двор и стучат: помогите. Священника не было, среди недели, и пошли мы с дьяконом к прихожанам в дом, где случилась беда. Корова у них отелилась двумя телятами сразу, да и что-то не так пошло, она и умирала.... Бездыханная лежала на боку в хлеву. И стал я, как смог, лечить корову – дыхание восстановил – успел вовремя, и еще несколько действий предпринял.... А диакон молебен начал и кадилом махал. Вместе мы молились о здравии живой твари Божией.... Молебен закатили по полной программе. А потом я велел хозяйке собирать всю траву лечебную, которую деревенские люди сушат на чердаках – и мяту, и зверобой, и бруснику, и другую траву. Принесли, помню, ромашки трех видов, аптекарскую, луговую и т. д. Сделал я в кадушке смесь из всех трав вместе и залил водой. Накормил больную корову той смесью трав. Скатал я шары с кулак и велел кормить через каждый час...

Помолившись, мы ушли восвояси. А на следующий день, в обед, пришли к нам люди с благодарностью: встала и выздоровела корова, – ибо для крестьянской семьи корова огромных средств стоит, зарплата у них 2 тыс. рублей, а детей трое!..

И слух о том дошел до ветеринара местного. Пришел он к Храму, когда мы работали, и давай спрашивать, да с таким гонором, словно следователь милиции: какой укол мы делали, во сколько и когда умерла корова? Как оживили?..

А что было ему объяснять? – И я так и сказал ему тогда: умерла при родах, позвали нас, мы помолились Богу и Духом Святым Господь восстановил её из мертвых. Но ветеринар был коммунист: «Я в духов не верю!» – сказал и ушел.

Или он чего рассказал бабушкам..., но весть о том, что бывший монах воскресил корову из мертвых, разнеслась по селу.... Молва, ведь, это такое дело: одна баба говорила, а другая приврала...

День у них прошел даже незаметно быстро, а вечер опять сменялся кризисом, обострением болезни. У обоих был сложный диагноз: пневмония. Но врачи ошиблись, как знал Сидоров, – он вообще был болен туберкулезом. И видно было, чувствовал не только сам Сидоров, но и Иван Иванович, – что сосед его умирает. Лицо Сидорова желтело, белело и утончалось, глаза провалились и губы синели. Днем Сидоров еще улыбался и казался веселым. Но к вечеру умолкал и когда лежал навзничь, уставив глаза в потолок, – лицо его становилось похожим на мумию.

В один из вечеров произошла его кончина, Сидоров умер на глазах Иван Ивановича. Это был третий или четвертый день, точно и не вспомнить, когда Иван Ивановича поместили в палату реанимации, где уже находился Сидоров.

Лежащий в положении мумии, с закрытыми глазами, вытянув руки по швам, Сидоров закашлялся, и кашель был необычный – булькающий. Человек не шевелился, а только вздымалась его грудь и живот дергался, как неожиданно из открытого рта выплеснулся толстой струей невысокий фонтан крови...

Кнопкой вызова и криком, Иван Иванович поднял панику: прибежали медсестры и врач. Потом пришли санитары с носилками и унесли Сидорова. Иван Иванович услышал, среди многих разговоров врача и медсестер, основную фразу: «кровь горлом пошла».

«Умер» – подумал он, только тогда – «а вот и я также могу умереть!».

Неизбежно только одно: смерть. Всего остального можно избежать (всё остальное можно изменить). Во временном пространстве (в пространстве времени), которое отделяет рождение от смерти, нет ничего заранее определенного (предопределенного). Всё можно изменить, если желать этого сильно и долго!

Иван Иванович очень не хотел умирать. Вид смерти соседа Сидорова испугал его. Он решил следовать всем указаниям лечащего врача. Вспомнил, что нужно питаться, – элементарно, кушать надо. Если раньше он ел в обед пару-тройку ложечек супа, то сейчас же, после смерти соседа Сидорова, он глотал всё «через немогу»: куриный суп с макаронами и пюре картофельное с котлеткой, давясь он выпивал и компот и съедал в нем, в стакане оставшиеся, яблоки.

Вскоре, через два дня, Иван Ивановича перевели из реанимации в общую палату больницы, для выздоравливающих. Тут было 6 человек больных, и была веселая обстановка. У кого-то был телевизор переносной, он стоял посередине палаты на тумбочке у окна, чтобы всем было видно. Жизнь вторгалась и звала с собой, прогоняя болезни и хвори!

Конец.

Будущее наше

Лишь немногие люди живут сегодняшним днем, большинство лишь готовится жить когда-то потом, позднее: вот сделаю это, например, окончу институт, поступлю на престижную работу, заработаю денег, еще один проект продвину, а там уже и жить некогда....

Другое дело, ожидание будущего блаженства и страх будущих мучений, – очень мешает людям думать о том, чтобы стать счастливыми здесь и сейчас, на земле – все религии пугают человека и все только обещают.

Есть такие заблуждения, которые нельзя опровергнуть. Надо сообщить заблуждающемуся уму человека такие знания, которые его просветят. Тогда, от знания истины, заблуждения исчезнут сами собой.

Настоящий мир – это лучший из миров, – вот, что надо сообщить людям. В нашем настоящем скрыто будущее.

По мудрости древних – будущее должно быть заложено в настоящем. Это называется планом. Надо строить планы. Без плана ничего в мире не может быть сделано хорошо. Так плотник, строя дом, заранее строит план в своем воображении (он видит в уме, как положит одно бревно на другое и как соединит их), а потом нарисует его на бумаге и, следуя плану, построит хороший дом.

Молодость счастлива тем, что у нее есть будущее, но и прошлого нельзя забывать. Мы вопрошаем и изучаем прошлое для того, чтобы оно объяснило нам наше настоящее и наметило о планах на наше будущее.

Все настоящее вокруг нас, всё хорошее – приобретено было в борьбе и через лишения и терпение людей прошлого, которые готовили его (настоящее) для нас. Также точно, за будущее нам нужно бороться. (Так говорил предтеча революций Чернышевский). Потому что – далеко недостаточно показать человеку, что настоящее выше прошлого: нужно еще вызвать у него предчувствие будущего, которое будет выше нашего настоящего.

Будущее принадлежит двум типам людей: 1. человеку мысли и 2. человеку труда. В сущности, оба типа составляют одно целое, ибо мыслить – значит трудиться. В мыслях приходят мечты.

Ничто так не способствует созданию будущего, как смелые мечты. – Сегодня это утопия, а завтра уже – «плоть и кровь».

У будущего есть также несколько значений и/или имен. Для слабого человека имя будущего – невозможность. Для малодушного – неизвестность, сомнение. Для человека глубоко-мысленного и доблестного, будущее – это идеал.

Но живущими сейчас людьми будущее, будучи всем (к чему бы надо стремиться), воспринимается ничем (ибо, его не потрогать, его нет); а прошлое, будучи ничем – воспринимается живущими сейчас, – всем (ибо пользуются предметами и технологиями его).

Настоящее наше – это суммарно взятое прошлое. И наше предназначение не в том, чтобы пытаться разглядеть то, что удалено от нас в тумане времени впереди, – но в том, чтобы трудиться над тем, что у нас под рукой, пополняя сумму знаний для будущих поколений.

И не надо оставаться равнодушным и довольствоваться только тем, что уже есть. Тот, кто оглядывается на свое прошлое, цепляется за него – уже явно недостоин будущего.

Однако: не зная прошлого, невозможно понять подлинный смысл настоящего и все цели будущего, потому что будущее в настоящем, но оно и в прошлом заложено было. Это мы создаем его (будущее наше), и если что сделаем плохо – в этом будет наша вина!

Конец.

Вечность – бессмертие

Ничего нельзя любить, кроме вечности – сказал один из мудрых философов, – и нельзя любить никакой другой любовью, кроме любви вечной. Если нет вечности – то и ничего нет. Мгновение бывает полноценно, лишь если оно приобщено к вечности...

Чувство бессмертия – это прирожденное чувство человека, иначе, как бы жили с такой беспечностью до невозможности и так безумно жестоко по отношению к себе, да и к окружающим.

Скорее всего, на свете есть два рода людей: 1. для людей гениальных – бессмертие в каждом мгновении жизни, 2. а для обыкновенных людей – тоже самое видится в долготе дней.

Но мудрецы, под конец жизни только понимают, что смерть страшна только со стороны, когда мы переживаем за близких людей, но для себя самого, для человека – смерти нет, и сам человек в себе уверен, – и как родился он бессмертным, так и уходит от нас.

Но вот вопрос: как может возникнуть идея бессмертия, если все люди смертны? А всё дело в том, что бессмертие не идея, некое самочувствие жизни человека.

Бессмертие состоит в работе над чем-нибудь вечным, а вечно всё (!), потому что мы строим и делаем для людей, для человечества, для новых поколений, которые идут за нами, подрастают. И с этим согласен был Лев Толстой: «бессмертие, разумеется, неполное, осуществляется, несомненно, в потомстве».

Идея о бессмертии – это сама жизнь, живая жизнь, (которая никогда не кончится), это её окончательная формула и главный источник истины и правильного сознания человечества, – вторил классику и другой классик – Достоевский.

А жизнь, так тесно связанная с вечностью и бессмертием? Она охарактеризована была давно-давно, в «Упанишадах». Упанишады являются комментариями к текстам древних «Вед» – священных книг, древнеиндийских философских трактатов.

Жизнь понималась как дыхание: «Жизнь – дыхание, ибо пока в теле пребывает дыхание, до той поры пребывает жизнь. Живет лишенный речи, зрения, слуха, живет безумный, безрукий и безногий, но воистину никто не живет без дыхания».

Словно отблеск луны на воде,
Непрочна жизнь смертных.
Ценность человека познается
Лишь после его смерти.

Спрашивал мудрец Конфуций: «Как мы можем знать, что такое смерть, когда мы не знаем, что такое жизнь?».

В жизни все вещи отличаются друг от друга, а в смерти все одинаковые. При жизни отличаются друг от друга умные и глупые, знатные и низкие; в смерти же одинаковы тем, что все смердят и разлагаются, гниют и исчезают... – как заметили древние умники.

Жизнь это то, что люди больше всего стремятся сохранить и меньше всего берегут.

Кто-то из умных выставил «приговор» жизни (Блез Паскаль): «Вообразите, что перед вами множество людей в оковах, и все они приговорены к смерти, и каждый день кого-нибудь убивают на глазах (у всех) остальных, и те понимают, что им уготована такая же участь, и глядят друг на друга, полные скорби и безнадежности, и ждут своей очереди.

И еще: не стоит плакать из-за того, что мы не будем жить сто лет спустя – это столь же безумно, как плакать из-за того, что мы не жили 100 лет назад.

Жизнь сама по себе – ни благо, ни зло: она вместителище и блага и зла, смотря по тому, во что вы сами превратили её. Все зависит от человека.

Подобно тому, как хорошо прожитый день приносит счастливый сон, так и хорошо прожитая жизнь влечет за собой счастливую смерть.

Конец.

Мысль пришла

Увидеть Свет Божий – не значит использовать для этого орган зрения. Посмотри на дела людские – которые добро несут и которые несут зло – вот они как Свет и Тьма отличаются! Узреть Христа нужно не банальным зрением материальным, а Духовными Очами увидеть дела Божии! Книга Иова о том много глаголет! Читаем Священное Писание со вниманием и дела Божии отличим от дел мрака и тьмы!!!

Конец.

«Пятое-десятое», эссе-рассуждения

Об «учении и учености»

О чем не стоит распространяться, это о знании духовном.

Кажется, как же так?

Это же наше основное предназначение – нести людям Абсолютную Истину.

Но духовное знание духовному знанию рознь. Оно имеет разные уровни и должно раскрываться только по достижению определенного уровня чистоты. Поэтому основной ошибкой начинающего проповедника истины является желание поделиться слишком высоким духовным знанием, которое, вместо того чтобы принести благо человеку, только еще больше его запутывает, настораживает и даже пугает.

Есть у проповедника такая тенденция думать, что чем возвышеннее знание, которое он пытается передать, тем больше оно очищает, но это просто очередная ловушка иллюзии. Любое духовное знание очищает одинаково сильно, но не всякое духовное знание воспринимается так, чтобы им можно было бы воспользоваться. Поэтому мудрецы нас предупреждают: духовное знание должно быть еще и практичным, а это значит, что оно должно соответствовать уровню восприятия каждого конкретного человека.

Услышав о духовной реальности, человек должен ясно и просто понять, что конкретно он может сделать прямо сегодня, и какой реальный результат ему это принесет, как это очистит его сердце, как это сделает его хоть на один шаг ближе к вечному счастью. Поэтому не стоит особенно говорить то, чем человек не сможет воспользоваться, иначе он может просто разочароваться в духовности и подумать, что это просто безумство и сумасшествие терять время на то, что не приносит никакого реального результата. Это все равно что поговорить о торгах и разойтись, так ничего и не попробовав и не поделившись рецептом.

Чем дальше продвигается духовная эволюция человечества, тем более очевидным представляется, что путь к истине религиозен, а религиозность заключается не в страхе за жизнь (свою и близких), не в страхе смерти и/или в слепой вере, но в стремлении к рациональному знанию.

Человек постигает мир ментально (разумом) и эмоционально (сердцем). Разум, сила разума дает возможность проникать в глубь материи и постигать сущность предмета. Сила любви (эмоции) дает возможность разрушить стену, отделяющую человека от другого. «Зорко одно лишь сердце, – как говорил кто-то из великих, – самого главного глазами не увидишь».

«Что есть истина?» – кажется из библейского разговора Христа с Пилатом. Истина не лежит на поверхности. И не случайно рассказал нам Христос притчу о зерне, упавшем на разную почву. Если на этой хорошей почве, а не на какой-нибудь другой, апельсиновые деревья пускают крепкие корни и приносят щедрые плоды, – значит, эта почва и есть истина для апельсиновых деревьев. Так и с духовным знанием, с религиозностью. Если именно эта религия, эта культура, эта мера вещей, а не какая-либо иная, дает человеку ощущение душевной полноты, могущество и уверенность, которое он в себе и не подозревал, – значит, именно эта духовность есть истина человека.

Так что о почве души своей должен думать человек. И будет готова (подготовлена) почва – семена истины в нее попавшие, дадут обильные плоды. Из восточного: когда будет готов «ученик» придет и учитель.

Ничему тому, что важно знать, научить нельзя, – всё, что может сделать учитель, – это указать дорожки к знаниям. Самое главное – это научить человека мыслить самостоятельно.

Но наше образование действует прямо противоположно. Некоторые дети уже имеют привычку мыслить, а одна из целей нашего образования состоит в том, чтобы избавить их от нее. Неудобные вопросы замалчиваются, за них даже наказывают. Коллективные эмоции используются для того, чтобы привить нужные взгляды, особенно националистического толка (будто бы

только эта нация лучшая, а все остальные плохие). Капиталисты, милитаристы и церковники – сотрудничают в деле образования, потому что им выгодно, чтобы у людей развивалось эмоциональное отношение к действительности, а не критическое мышление.

Искусство обучения, на самом-то деле, должно будить в юных душах любознательность, и, по возможности, удовлетворять её, давая нужные знания из огромного багажа знаний человечества накопленного за тысячелетия.

Потребность в образовании лежит в каждом человеке. Он любит и ищет знания, как воздух для дыхания. Умственные занятия оказывают на человека такое благотворное влияние, какое солнце оказывает на природу: они рассеивают мрачное настроение, согревают и поднимают дух.

Не нужно доказывать, что образование – самое великое благо для человека. Без образования люди грубы, и бедны, и несчастны. Мало того, что просвещение приносит людям и благосостояние, и могущество: оно доставляет человеку душевное наслаждение, с которым ничто не может сравниться. Каждый образованный человек чувствует это и всегда может сказать, что без образования жизнь его была бы очень скучная и жалкая.

Важно не количество знаний, а качество их. Можно знать очень многое, не зная самого нужного.

Все относятся с уважением к ученым, даже церковники, во многом несогласные с наукой. В чем разумность этого уважения к ученым? В том, что уважение к ним – лишь видоизменение уважения к самой науке. Это проявление любви к знанию, любви к истине, это перенесение чувств уважения к науке на отдельных людей, ученых.

2. Однако. Бойся ложного знания, от него происходит зло в мире. Известна великая заповедь: не убей. И люди отказываются употреблять в пищу мясо убитых животных.

Мы можем быть великими вегетарианцами, мы можем исповедовать ненасилие, мы можем гордиться своей чистотой жизни, но мы не можем в этом мире быть идеально нравственными. Обыкновенный человек каждый день вынужден совершать ту или иную форму насилия. Да, мы можем избегать основных форм греха, но есть и невидимый грех, который все равно является насилием, так как приводит к уничтожению живых существ или причинению им страданий. Это известно из древней религии индуизма. Так известны «панча-суна», или пять великих грехов домохозяина. Они описываются в «смрити» и предупреждают нас о том, что наше поведение не так просто сделать идеальным.

Первый – это грех убийства живых существ при перемалывании специй или зерен. Второй – грех убийства живых существ при хождении, Третий – грех убийства живых существ во время уборки, Четвертый – грех убийства живых существ во время разжигания огня, и пятый – грех убийства живых существ во время кипячения или питья воды. Поэтому в традиционном индуизме используется система «панча-маха-ягья». Это пять основных жертвоприношений из сорока ведических ритуалов. Их проводят домохозяева.

Это брахма-ягья, или декламация Вед, чтобы уплатить долг мудрецам, передавшим нам это знание.

Дева-ягья – поклонение полубогам, которые осуществляют наши ежедневные потребности.

Питри-ягья – являющаяся благодарностью предкам.

Манушья-ягья как способ отдать долги обществу, например, через ритуал гостеприимства.

И бхута-ягья как забота о тонких живых существах, которые, несмотря на то что мы их не видим, все равно нас окружают и тем или иным образом с нами взаимодействуют.

Поэтому, как мы видим, особенно гордиться своей нравственностью нам не очень-то и стоит, иначе любой мало-мальски разбирающийся в духовной науке человек тут же предъ-

явит нам пару десятков обвинений не просто в безнравственности, а в безнравственном лицемерии. Заявите один раз о своем космическом ненасилии, и вам сразу же укажут на кожаные ботинки, шелковую одежду (бедный шелкопряд), на электроприборы (бедные рыбки на ГЭС и затопленные животные и поля). Да и вообще любое производство несет в себе маленькую химическую войну против всего окружающего, а мы этим радостно пользуемся, причем объявляя себя великими моралистами.

3. Человек не может жить без веры.

Для нашего поколения и для будущих, решающим является вопрос о том, какая вера будет преобладающей: будет ли это иррациональная вера в вождей, или вера в машины, вера в удачу и судьбу..., – или рациональная вера в человека, основанная на опыте нашей собственной плодотворной деятельности.

Человек не свободен выбирать – иметь или не иметь «идеалы». Но он свободен, выбирать между различными идеалами: между служением власти, разрушением или служением любви ко всему живому. Все люди, так или иначе, «идеалисты». Они стремятся к чему-то, всегда большему, выходящему за пределы физического удовлетворения. Различаются люди именно тем, в какие идеалы они верят.

Конец.

К «пятому-десятому», продолжение. Пусть разум твой направляет дела

Он душу твою не допустит до зла.
Лишь в разуме счастье, беда без него,
Лишь разум – богатство, нужда без него.

Нежнейшее сердце дать человеку в удел
Замыслила, видно, природа —
Коль наделила слезами и состраданием.
Мудрость не скажет того, что противно природе,

Мудрый, меру соблюдает и в достойных делах. Дело благой помощи бедным, к примеру, может продолжаться долго, но всем помочь ты, всё равно, не сможешь, а только сам себя разоришь. Даже во благих делах надо останавливать себя. Разум, при защите справедливости терпевает больший вред от собственной горячности, чем от наветов своих врагов.

Недостаточно обладать мудростью, нужно уметь пользоваться ею. Со времен Соломона-умнейшего или мудрейшего известно: и в том состоит та высшая божественная мудрость, – чтобы 1) глубоко понять и изучить дела человеческие, 2) не удивляться ничему, что случилось, и 3) ничего не считать невозможным до того, как оно произойдет.

Все жалуются на свою память, но никто не жалуется на свой разум. Мир наполнило неразумное. Мир полон дураков, да никто глупости своей не замечает, даже не подозревает. Глупцы все, – кто глупцами кажутся, и половина из тех, что не кажутся. А если же на Земле и встретим крупину мудрости, – то, против мудрости Небесной, она будет выглядеть – как безумие. И хуже всего, что люди не признаются в своей глупости. Глупец величайший тот, кто себя таковым не считает, а только других глупцами обзывает. Чтобы быть мудрым, недостаточно мудрым казаться – тем более самому себе; ибо – знает тот, кто понимает, что не знает, и не понимает тот, кто не понимает, что другие понимают.

Сила разума в том, что он признает существование множества явлений ему непостижимых; и он бывает слаб, если не способен этого понять. Слабому разуму непостижимы бывают явления самые естественные, что уж говорить о сверхъестественных. К таким относится предвидение будущего. И предвидение будущего получается не от оракулов и экстрасенсов, а от элементарной мудрости. Видно простым глазом, по ходу событий бывает и их продолжение: если человек подходит по дороге к препятствию (к мосту, или к горе) – то вероятно через определенное время он его достигнет. И это может предсказать даже не умудренный человек.

Мудрец не станет из вражды к виновным уподобляться им. Не будет грубить и/или оскорблять. Беда с умом, когда у человека не хватает ума, чтобы хорошо сказать, или здравого смысла, чтобы осторожно промолчать. Нужно иметь большой ум, чтобы уметь не показывать своего умственного превосходства.

Я мыслю, следовательно, существую. – эту фразу приписывают философу Рене Декарту.

И верно было сказано. Потому что особенностью живого ума является то, что ему нужно лишь немного увидеть и услышать для того, чтобы он мог потом долго размышлять и многое понять. Для развития ума, известно с древности, нужны знания.

Знатное происхождение это лишь благо от предков доставшееся.

Богатство почетно, – но это дело житейское.

Слава желанна, – но непостоянна.

Красота прекрасна, – но проходяща со временем.

Здоровье ценно, – но легкоразруσιμο.

Сила завидна, – но разрушается старостью и болезнями.

Знания – вот что единственное, что божественно и бессмертно в нас; и две вещи самые лучшие в человеческой природе: это Разум и Речь, умение говорить.

Язык, который умудрен знаниями, не будет запинаться.

Однако, ум не в одном только знании, но и в умении приложить его (ум свой) в практическом деле. Суть дела не в полноте знания, а в полноте разумения, для чего конкретно эти знания нужны. Многие многознайки не имеют ума практичного.

Самый мудрый человек тот, кого больше всего раздражает потеря времени. И среди ученых – случайные открытия делают только подготовленные к этому умы. А мудрый человек знает, как поступать и там, где не имеет опыта; глупый же ошибается и в том, чему учился.

Каждый человек – отражение своего внутреннего мира. Как человек мыслит, такой он и есть (в жизни).

Знания знанию рознь. И практические навыки нужны человеку. Будем же дела делать и упражнять тем самым разум свой до мудрости.

Конец.

Лесные картинки весной

Присел охотник у озера, выйдя из своего «скрадка» на болоте. Солнышко освещало берёзовый лес. Ясный светлый день.

Вот, увидел он, как на полянку из леса вышла рыжая лисичка и присела отдохнуть под старой берёзой. Смотрит и слушает лиса окружающий мир.

Видит она, как пробежал по земле и скрылся в молодом сосняке и тихо просвистел рябчик, а у самого края березняка, перед болотом, бродят по кочкам, спокойно кормятся краснобровые тетерева. Знает лисица: не поймать ей осторожного рябчика, не подпустят близко осторожные тетерева. – А вот, шевельнулась у гнилого пня сухая травинка, промелькнула в прошлогодней траве и скрылась в глубокой норке робкая лесная мышь. Тут дятел прилетел и уселся долбить ствол старой берёзы. Лисица насторожилась. Слышит несмотря на то, что птичьими голосами наполняется лес, как шуршат под корнями пенька и попискивают мыши в своей норке. Рядом пробирается по сухому «валежнику» из упавших веток, голодный ёжик, выбравшийся из зимнего логова. Лисица подкралась ближе к пеньку и долго сидит тихо – на охоте, ждет мышь. Ушки на макушке у лисицы, все звуки настороже.

Чтобы не мешать лисичке, охотник потихоньку ушел.

По берегу озера, в стороне от болота душистой смолой пахнет сосновый бор. У освещенной солнцем старой сосны резвятся весёлые проказницы белки. Радуются они тёплому солнышку, светлой весне. Они сменили свои зимние серые шубки, – рыжими стали у белок их спинки. Пышными стали хвосты. Всю долгую зиму жили белки в высоких соснах. От ветра и стужи прятались в тёплых гнёздах. Забирались в глубокие дупла деревьев. С ёлки на ёлку, с сосны на сосну бегали по лесу, грызли смоляные шишки.

В голодные годы, когда мало в лесу орехов и шишек, белки пускаются в далёкие и опасные путешествия. Смело переплывают они широкие для них реки, перебегают открытые поля, забегают в селения и города. Это было на памяти охотника – он видел такое «великое переселение» белок однажды.

Никому в лесу не делают вреда миролюбивые весёлые белки. С сучка на сучок, с вершинки на вершинку друг за дружкой гоняются они по деревьям, встречая светлую тёплую весну.

Прощаясь с болотом, оглянулся охотник и увидел журавлей.

Каждый год возвращаются они из далёких тёплых стран на родное болото. Над морями и широкой степью, над светлыми большими реками и зелёными лесами летят на свою родину весной журавли.

Высоким камышом и сухой прошлогодней осокой заросшее большое непроходимое болото встречает их дома. В самых недоступных местах устраивают гнёзда сторожкие журавли. Спокойно им жить на неприступном болоте. Не пройдёт по болоту волк, не проберётся лисица, не подкрадётся осторожная рысь. Водят весной журавли весёлые хороводы и устраивают брачные танцы. Соберутся в кружок между кочек болотных, машут крыльями, подпрыгивают, танцуют... «Курлы, курлы, курлы!» – по всему лесу разносятся их шумные голоса.

Скоро выведутся на болоте длинноногие неуклюжие журавлята. Начнут ловить для них журавли-родители лягушек и змей, приносить в гнёзда корм. Будут расти. Учиться летать журавлята...

Шелестит на ветру и качается высокий тростник. Ниже и ниже над лесом спускается солнце и тень падает над болотом, сгущая сумерки.

Охотник идет домой по сумеречному лесу. Вскоре за вершинами скрылось солнце. Прохладно и сыро становится в лесу. Слышно, как дышит, оживает земля. Пахнет весенними почками в воздухе, пахнет пробудившейся от зимы теплой, нагретой за день, землёй (это своеобразный запах лесной земли, и он отличается от запаха полей).

Вот, сам собою шевельнулся на земле прошлогодний мокрый листочек. Под ним показалась из земли зелёная стрелка молодой травы (многие травы растут именно по ночам, как огурцы на огородах, например).

Много звуков в вечернем лесу можно услышать, если идти по нему тихо, прислушиваясь. Ещё продолжают заливаться на деревьях певчие дрозды, провожая солнце. А на вершине высокого дуба громко воркует дикий голубь – «витютень»: «Витютень на ду-у-бе сижу! Витютень на ду-у-бе хожу!» – будто выговаривает он важно перед голубкой, сидящей на соседней толстой ветке.

Глухо турлычут в прозрачных весенних лужах-болотцах, сбоку вдоль дороги, лягушки и жабы. Со свистом крыльев, вытянув шеи, над лесом пролетают дикие утки. – на то же озеро с болотом летят.

«Чуфшш! Чувшш!» – вдруг громко чувсиснул и забормотал на полянке краснобровый тетерев-косач, стайка их бродила под дубами.

«Гу-гу-гууу!» – гукнул заяц, и убежал. – и он подал свой голос. А очень похоже тут же отозвалась лесная сова. Бесшумно пролетая на охоту между деревьев.

Страшно ухнул где-то в лесу и захохотал филин, когда сумерки уже сгустились. Взмахивая крыльями, тихо потянули над макушками деревьев уже на опушке леса длинноносые кулики. Над горизонтом, открывшемся в поле затухала малиновая заря. Ниже и ниже спускалась прохладная ночь. Охотник возвращался в деревню.

Конец.

Берёзки в серёжках

«Чем лучше мы будем знать прошлое, тем легче, тем более глубоко и радостно поймём великое значение творимого нами настоящего». – Сказал Максим Горький.

В один прекрасный вечер не менее прекрасный человек Николай Николаевич Черняков задался вопросом: «Возвращались ли вы через много лет в родные края? Туда, где промелькнуло ваше детство, откуда вы ушли на большую и не всегда ровную дорогу жизни?». Это случилось у него, вечер от вечера, всё чаще.

И однажды он поехал в далекую деревню, за много километров от города, более 100, в деревню среди лесов и полей, и где он не бывал около 20-ти лет.

Время меняет всё – и обстановку и людей. В чём он смог потом убедиться сам.

Приготовив в доме постель для ночлега, тёмным вечером Николай Николаевич сидел на крылечке своего дома и размышлял, покуривая.

Это невысокий, худощавый пожилой человек с седоватыми усами и с сединой в волосах на висках, смотрелся усталым, чуть сторбленный, видно, что жизнь его погнула основательно. Его освещала луна, свет которой рассеивал потёмки в сторону огорода, ещё только начинающего зеленеть сада. Распустили листочки две яблони и густой кустарник вишен покрылся свежим налетом зелени.

«Как быстрые ласточки, проносились годы, – продолжал рассуждать Николай Николаевич, – вы выросли, мужали, теряли детские иллюзии об окружающем мире, и, чего таить, черствели душой, становились практичнее. А родительский дом, родимые места оставались для вас „землёй обетованной“, куда никак не могли вы попасть».

С годами всё чаще и чаще (чем старше он становился) вспоминал Николай Николаевич отчий край, свои светлые детские годы, и, наконец не выдержав или **по какому-то случаю**, собрался он и поехал, по мечтанию – «хоть одним глазком взглянуть на ту давнюю, полузабытую даль, что зовётся „босоногим детством“».

«Чем пахнет детство? – задавал вопрос Николай Николаевич и сразу же находил ответ. – Летом, свежей травой под ярким солнцем; ягодой земляникой, собираемой в подлеске сразу за огородами; весёлой летней грозой, которая намочила одну половину улицы деревеньки, оставив сухой и солнечной другую, с озерцом в середине улицы, окружённом домами...» Мало у него было зимних воспоминаний из далёкого детства, зимы ему хватало во взрослой жизни, половину которой он провёл за полярным кругом. Служил там в армии и остался там работать...

Лишь на пенсии, ушёл на которую раньше срока, за выслугу лет работы на Севере, он перебрался в родное Поволжье. Но выбрал город, для места постоянного жительства, побывав в деревне только набегом, в выходные дни. А в городе он нашёл для себя работу новую, увлёкся так, что о деревне и не вспоминал совсем. И вот пришла телеграмма. Мать спокойно отошла, умерла во сне, как говорят соседи, утром зашли к ней за какой-то хозяйственной надобностью, а она, как спала, так и застыла...

Вот он тебе и случай!

«Теперь бы насовсем туда приехать» – задумывался Николай Николаевич. Он спешил. Поэтому ехал «на перекладных» – сначала на поезде пригородном, что отходил ночью, за полночь, потом на самом первом утреннем автобусе, от станции до своего райцентра.

Уже вначале пути Николай Николаевич размышлял:

«Он поехал через 20 лет. – Но Время будто остановилось. Изменилась обстановка, чуть-чуть к разрухе, но повадки людей, отношения, остались, как прежде. И как были плетни вместо заборов... Люди вроде бы тоже «разрушились», стали менее приветливы, но природа

осталась такая же; и те, кто жил тут постоянно, в деревне с природой, оставались «абсолютны» со Временем.

Абсолютная величина – это модуль числа (x), неотрицательное число, определение которого зависит от типа числа (x). в случае вещественного числа, таком, как определение времени, абсолютная величина – есть непрерывная кусочно-линейная функция... Обобщением понятия абсолюта является модуль комплексного числа, как помнится: $z = x + I y$, называемый «абсолютной величиной». С геометрической точки зрения, модуль вещественного (время) или комплексного числа есть расстояние между числом и началом координат.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.